

И.В. МЕРСИЯНОВА, Е.С. ВАКУЛЕНКО, Н.В. ИВАНОВА

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

Аннотация. Миграционное поведение часто рассматривается в контексте экономических мотивов и стремлений к социальному продвижению. В статье анализируется связь между эмиграционными настроениями россиян и опытом гражданского участия; эта тема пока не получила должного внимания в научной литературе. Эмпирической базой исследования являются данные всероссийского опроса населения Российской Федерации (2014 г., N = 1500)¹.

На основе анализа логит-модели бинарного выбора установлено, что люди, декларирующие эмиграционные намерения, обладают рядом позитивных

Мерсиянова Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, директор, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); заведующий, кафедра экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях, факультет социальных наук, НИУ ВШЭ. **Адрес:** 111000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Телефон: +7 (916) 884-01-05. **Электронная почта:** imersianova@hse.ru

Вакуленко Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, факультет экономических наук, НИУ ВШЭ.

Адрес: 111000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Телефон: +7 (916) 884-01-05. **Электронная почта:** evakulenko@hse.ru

Иванова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, НИУ ВШЭ.

Адрес: 111000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Телефон: +7 (495) 623-88-03. **Электронная почта:** nvivanova@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Мониторинг состояния гражданского общества», выполненного в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». С данными мониторинга можно ознакомиться на сайте Центра: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/>

характеристик гражданского участия: готовность объединяться с другими людьми, участие в деятельности НКО, публичное высказывание на общественных слушаниях, а также отношение к праву на информацию как к одному из наиболее важных для себя прав. Именно такие люди могут стать акторами социальных изменений в своей стране, если их гражданский потенциал будет более востребован.

Исходя из важности общественной роли социальных активистов предложены рекомендации по формированию институциональных каналов гражданского участия, включая развитие муниципалитетами территориального общественного самоуправления, поддержку широкого спектра деятельности негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив, налаживание механизмов общественного контроля и независимой оценки качества государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: гражданское участие; эмиграционные настроения; гражданское общество; НКО.

Для цитирования: Мерсиянова И.В., Вакуленко Е.С., Иванова Н.В. Эмиграционные настроения россиян и гражданское участие // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 43–61. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5001

Введение. В конце 2014 г. в российской прессе развернулось оживленное обсуждение данных Росстата, зафиксировавших не только продолжение, но и заметный рост эмиграции из России. Так, за первые восемь месяцев 2014 г. Россию покинуло 203,6 тыс. человек, тогда как за весь 2013 г. уехавших было 186,4 тыс. В целом же выбытие из России в 2014 г. составило 308,5 тыс. человек [14].

Эта информация вызвала оживленную дискуссию в прессе о всплеске «четвертой волны» эмиграции [12; 20; 21], как принято называть отток населения из России после открытия границ Советского Союза. Мотивы эмиграции во многом отражают социально-политический и экономический контекст эмиграционных настроений. Традиционно они объясняются в терминах модели push-pull, включающей факторы притяжения, привлекающие мигрантов в страну переезда (pull factors), такие как благоприятные экономические условия и более высокий уровень жизни, и факторы выталкивания (push factors), такие как экономические риски, угрозы жизни и здоровью в стране проживания [23–25]. Несмотря на положительную динамику в опросных данных, неудовлетворенность россиян качеством и уровнем своей жизни создает питательную среду для запуска механизмов выталкивания.

Как показывают данные Мониторинга состояния гражданского общества, доля россиян, довольных положением дел в своем населенном пункте за период наблюдений заметно увеличилась (см. табл.). В 2014 г. половина опрошенных были в той или иной мере довольны положением дел в своем населенном пункте (52%), однако и недовольных было много — 42%.

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если говорить в целом, Вы довольны или не довольны положением дел в Вашем городе (селе, поселке)?» (% от числа опрошенных, по годам)

Варианты ответа	2007, n = 3000	2011 n = 2000	2014, n = 1500
безусловно, довольны	5	4	5
скорее довольны	32	28	47
скорее не довольны	34	39	33
безусловно, не довольны	22	22	9
затруднились ответить	7	7	6

Очевидно, что у органов государственной власти и органов местного самоуправления не хватает ресурсов самостоятельно решать все вопросы, связанные с повышением качества жизни россиян. На локальном уровне трансформационных процессов в нашей стране гражданское участие является одним из инструментов изменения ситуации к лучшему. Практики гражданского участия характерны для повседневного поведения акторов микроуровня (по Т.И. Заславской), главный стимул для трансформационной активности которых состоит в «стремлении, с одной стороны, сохранить привычные, удобные, оправдавшие себя социальные практики, а с другой — обновить и улучшить те практики, которые ограничивают возможность реализации их личных целей, ценностей, интересов» [9, с. 281].

Поэтому представляется чрезвычайно важным определить, в какой мере склонные к гражданскому участию россияне связывают свое будущее со своей страной, имеют ли они намерения жить в ней или настроены на отъезд из страны. Как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, имеются основания предполагать, что развитые установки на гражданское участие могут быть факторами, повышающими шансы взрослых россиян на эмиграцию [1; 5; 18; 26]. Как отмечает Л. Гудков [5], в последние годы эмиграционные намерения проявляются в среде самых успешных, предприимчивых и благополучных групп и прежде всего среди тех, кто относится к группе образованных, успешных молодых людей до 35 лет, живущих в мегаполисах, и главное — тех, кто собственными силами уже добился социального признания, какой-то собственности, положения в обществе и довольно приличных заработков. В отличие от населения в целом это люди активные и компетентные. По мнению Л. Бронзино [1], социальный портрет потенциального эмигранта говорит о его принадлежности к креативному классу: речь идет о людях с высоким уровнем образования и доходов, проживающих в крупных городах. В качестве одного из существенных

мотивов своего желания эмигрировать они называют стремление к полноценной самореализации.

Гипотеза. Исследователями неоднократно рассматривались экономические мотивы эмиграционного поведения, стремление к самореализации, к получению престижного образования, улучшению качества жизни и др. [2–4; 6; 8; 11; 17]. Однако, насколько нам известно, пока еще отсутствуют эмпирические исследования, в которых рассматривается, как опыт гражданского участия и сопутствующие ему установки связаны с эмиграционными настроениями; правда, косвенные указания на возможную связь между гражданским участием и эмиграционными настроениями имеются в ряде источников [4; 5]. Помимо общего вывода о том, что потенциальные эмигранты из России отличаются инициативностью, хорошим образованием и стремлением к активной самореализации, исследователи указывают на то, что «уезжают или серьезно задумываются над этим... те, кто обладает важнейшими способностями к социальному взаимодействию, качествами и ресурсом “социальности”»: напомним, что большинство (до трех четвертей) российского населения считают, что другим людям доверять нельзя, и при потребности в помощи могут, как они сами признают, полагаться лишь на ближайших кровных родственников» [7, с. 41]. Нами в более ранних исследованиях была обнаружена связь между доверием другим людям и гражданской идентичностью: кто «в полной мере» ощущают себя гражданами своей страны, чаще уверены в том, что большинству людей можно доверять [13, с. 41].

Следовательно, есть возможность предполагать, что люди, декларирующие эмиграционные намерения, обладают и более выраженными характеристиками гражданского участия, как реального, так и потенциального. Именно такие люди могут стать акторами социальных изменений в своей стране, если их способности и навыки гражданского участия окажутся востребованными.

Цель настоящей работы — проверить гипотезу о связи между включенностью россиян в практики гражданского участия и эмиграционными настроениями.

Мы можем предполагать, что потенциал гражданского участия играет двоякую роль. С одной стороны, гражданское участие, направленное на улучшение жизни в стране проживания, становится благоприятной сферой для самореализации активных и инициативных людей. С другой стороны, люди, которые готовы принести пользу своему обществу, сталкиваясь с недостаточно развитыми или недостаточно эффективными формами и институтами общественного участия, начинают ощущать невостребованность своего гражданского потенциала, в результате чего на фоне других факторов выталкивания и притяжения включаются механизмы формирования эмиграционных настроений.

Эмпирической базой исследования являются данные всероссийского опроса городского и сельского населения Российской Федерации в возрасте 18 лет и старше, проведенного осенью 2014 г. в рамках Мониторинга состояния гражданского общества. Сбор информации осуществлен Фондом «Общественное мнение»; инструментарий разработан И.В. Мерсияновой. По многоступенчатой стратифицированной территориальной случайной выборке было опрошено 1500 респондентов. Отбор проходил в три этапа: на первом этапе отбирались административные районы, на втором — избирательные участки, на третьем — домохозяйства случайным маршрутным методом. Для проведения интервью отбирался один респондент в домохозяйстве по квотам: задавалась связанная квота по полу и возрасту и отдельная квота по образованию. В итоге в выборку вошли Москва и Санкт-Петербург, являющиеся отдельными субъектами РФ, а также 92 населенных пункта в других 43 субъектах РФ. Выборка включает 158 избирательных участков, из которых девять приходится на Москву и пять на Санкт-Петербург.

К факторам гражданского участия мы относим включенность индивида в реальные практики гражданского участия и связанные с ними установки. В нашей стране гражданское участие реализуется в различных формах: территориальное общественное самоуправление, участие в деятельности НКО, благотворительности, собраниях по месту жительства, общественном контроле, независимой оценке качества государственных и муниципальных услуг и т. д. Российские авторы называют свыше 30 форм гражданского участия [10; 19; 22]. К ним не относятся формы политического участия, в которых ставится цель непосредственно влиять на принятие политических решений. Гражданское участие, по сути, мы отождествляем с участием населения в практиках гражданского общества. Говоря об отличиях гражданского участия от политического, исследователи указывают на сложность последовательного разграничения этих двух понятий. Так, К. Подъячев отмечает, что для гражданского участия характерно большое разнообразие форм и еще большее разнообразие технологий, возникающих в рамках этих форм. В отличие, например, от избирательного процесса гражданское участие в гораздо меньшей степени связано правовыми нормами и другими институциональными ограничениями системы. Это и есть одна из основных черт, отличающих гражданское участие от политического [19, с. 2]. И. Скалабан констатирует отсутствие четкого разделения между ключевыми видами участия: политическим, гражданским, общественным, социальным. По ее мнению, гражданское участие — это участие лиц в различных структурах и демократических институтах. Оно предполагает для решения проблем сообщества объединение представителей заинтересованных сторон в различные

группы. Гражданское участие позволяет вовлечь сообщество в решение социальных проблем, в первую очередь через привлечение широкого круга индивидов непосредственно к принятию решений, затрагивающих их жизнь; позволяет обеспечить общественный контроль над принятием и реализацией решений государственной и муниципальной власти; содействовать росту социальной сплоченности и социальной идентичности членов сообщества; повышать удовлетворенность населения от более эффективных политических решений; наконец, оно влияет на личностное развитие граждан, рост их социальной и гражданской компетентности и активности [22, с. 136].

Вовлеченность в гражданское участие связана с рядом имеющихся у индивидов установок. Рассмотрим некоторые из них.

Гражданское участие тесным образом связано с *ощущением людьми своих возможностей повлиять на происходящее* [15; 16]. Согласно данным нашего опроса, 82% респондентов считают, что в той или иной мере могут влиять на ситуацию в своем доме, дворе, где они живут; 58% — влиять на ситуацию в своем городе/селе, 40% — на происходящее в стране. Отвечая на вопрос о сферах общественной жизни, на которые респонденты лично никак не могут влиять, чаще всего называли здравоохранение и экономику (по 20%), а также трудоустройство и строительство (по 15%). Наиболее популярные способы влиять на происходящее в общественной жизни — личный пример, самостоятельно что-то делать, чтобы изменить ситуацию (28%); убеждение друзей, знакомых и коллег (15%); голосование на выборах (14%). Более половины опрошенных свое бессилие в общественной жизни объяснили тем, что «все решают другие люди» (54%); 30% ссылаются на отсутствие необходимых навыков; 16% — на отсутствие связей. Своего мнения в последние 2–3 года публично не высказывали 84% респондентов.

Готовность объединяться с другими людьми, если их идеи и интересы совпадают, — еще одна основа для гражданского участия. Каждый второй житель страны не готов объединяться с другими людьми, чтобы повлиять на положение дел в общественной жизни (49%). Чаще всего россияне готовы к объединению в сфере ЖКХ, благотворительности, досуга и туризма, охраны окружающей среды (10–14%). Реже всего (по 2%) россияне обозначали готовность что-либо предпринимать в экономике, информационной и духовно-религиозной сферах.

На формирование установок гражданского участия влияет *правовое сознание россиян*. Среди *важнейших прав и свобод* россияне чаще всего отмечали право на бесплатную медицинскую помощь (53%), право на труд (48%), на частную собственность (43%), на социальное обеспечение в старости (41%), на жизнь и на бесплатное образование (по 40%). Реже всего интерес проявлялся к праву на

участие в управлении обществом и государством, праву избирать своих представителей в органы власти (6%); создавать самостоятельные объединения, отстаивающие права и интересы граждан (4%); к свободе распространять информацию законным способом (3%); свободе собраний и манифестаций (1%).

Первую тройку прав, которыми, по мнению респондентов, безусловно, обладает большинство населения России, составили право на жизнь (64%), труд (55%) и частную собственность (54%). Правами, которыми обладают наименьшие доли россиян, признаны право на хорошо оплачиваемую работу по специальности (9%); право на создание самостоятельных объединений, представляющих и отстаивающих права и интересы граждан (9%); свобода собраний, манифестаций (7%).

Мнение об обладании теми или иными правами дифференцируется образованием, материальным положением, типом населенного пункта. Реже на обладание правами и свободами указывают россияне с низким уровнем образования, кому не хватает на питание, проживающие в городах с населением от 500 тыс. до 1 млн человек, поселках городского типа и селах. Напротив, люди с высшим образованием, доходами, позволяющими купить автомобиль, проживающие в городах с численностью от 250 до 500 тыс. человек, а также верующие люди с регулярностью посещающие богослужения, но не вовлеченные в жизнь прихода, чаще считают себя обладателями прав и свобод.

Неудовлетворенность качеством и уровнем жизни в своем населенном пункте может стимулировать действия по изменению ситуации к лучшему. Наиболее актуальные проблемы населенных пунктов, по мнению их жителей, — это низкий уровень заработных плат и рост цен на услуги ЖКХ (эти проблемы волнуют две трети опрошенных). С заметным отрывом на третьем и четвертом месте оказались безработица и падение производства. Около трети жителей страны указали на плохие дороги, пьянство и нехватку высококвалифицированного персонала. В конце списка оказались засилье криминала и рост преступности (3–4%).

Половина (53%) респондентов довольна положением дел в своих населенных пунктах, недовольных — 41%. Более позитивное восприятие общей ситуации обнаружено у жителей средних и крупных городов, где проживает свыше 250 тыс. человек. Жители поселков городского типа и городов с населением от 50 до 100 тыс. придерживались средних оценок положения дел. Заметно ниже средних показателей восприятие сел, городов с населением менее 50 тыс. человек или с населением от 100 до 250 тыс. Из социально-демографических факторов в восприятии населенного пункта значимым оказался лишь один: с ростом благосостояния растет и доля

довольных своим городом или селом. Заметное влияние оказывают политические взгляды: среди сторонников правящей партии «Единая Россия» положительную оценку своему населенному пункту дают две третьих опрошенных. В той же мере способствуют росту уровня удовлетворенности оптимистичные ожидания относительно будущего страны, чувство гордости или спокойной уверенности от российского гражданства. Пессимизм и обида за страну, напротив, сокращают число довольных своим населенным пунктом. Оптимизм в отношении собственного будущего также позитивно связан с удовлетворенностью населенным пунктом. Другими факторами, дифференцирующими взгляд на ситуацию в населенном пункте, оказались ощущения удовлетворенности жизнью и счастья. Так же выше оценивают свои города и села те россияне, которые берут ответственность за свои неудачи на себя.

Приведенные выше данные составляют общий фон гражданского участия в нашей стране; эти же переменные мы включали в модель для реализации цели нашего исследования.

Модель и результаты. В данной работе мы моделируем намерения взрослого населения нашей страны (18+) относительно эмиграции, иными словами, вероятность эмигрировать из страны. В качестве зависимой дихотомической переменной мы взяли ответы на вопрос: «Вы бы хотели или не хотели уехать из России в другую страну на постоянное место жительства? Если да, то когда — в ближайшие годы или в отдаленном будущем?». Всех тех, кто отвечал, что хотел бы в ближайшем или отдаленном будущем, мы относили в группу респондентов, имеющих намерение эмигрировать из России. Другие вопросы анкеты использовались в качестве независимых переменных, объясняющих эмиграционные намерения людей. Поскольку по некоторым переменным значительная часть респондентов затруднялись давать ответ или отказывались отвечать, мы пошли на сокращение исходной выборки до 895 наблюдений. Описательные статистики полученной выборки близки к характеристикам исходной выборки: 12% респондентов имеют намерения эмигрировать из страны (в полной выборке — 11%); средний возраст респондентов 44 года (45 лет в полной выборке); 57% респондентов — женщины (55% в полной выборке); 20% имеют высшее образование (21% в полной выборке), 46% среднее специальное или незаконченное высшее (столько же в полной выборке); 32% проживают в селах и поселках городского типа (33% в полной выборке); 3% респондентов относят себя к высшему классу (4% в полной выборке), а 89% — к среднему и ниже среднего (87% в полной выборке).

Для моделирования эмиграционных намерений взрослого населения нашей страны (18+) нами используется логит-модель, которую можно записать в следующем виде:

$$P(Y_i = 1|X) = F(x_i' \beta) \quad (1),$$

где $F(\cdot)$ — это функция логистического распределения. Если респондент отвечает, что в ближайшем или далеком будущем он собирается мигрировать, то $Y_i = 1$; если не собирается, значение равно нулю. В качестве объясняющих переменных (x) в модель были включены индивидуальные характеристики респондента, а также различные переменные гражданского участия, речь о которых шла выше. β — это коэффициенты модели.

Модель 1 оценивается методом максимального правдоподобия. Выбор наилучшей модели был сделан на основании значений функций правдоподобия, тестов отношения правдоподобия для проверки значимости группы коэффициентов, псевдо R^2 , качества подгонки модели — процента правильно предсказанных значений объясняемой переменной при заданном пороге, критериев чувствительности и специфичности.

Результаты оценивания модели 1 с полным набором включенных факторов и модели 2 только со значимыми на уровне 10% факторами, отобранными в ходе пошагового исключения переменными, представлены в таблице (см. Приложение). На основании этих результатов можно сделать вывод о том, какие переменные значимы и в каком направлении они влияют на вероятность эмигрировать из страны. Поскольку практически все переменные (кроме возраста респондента) являются дихотомическими, то есть равными 1 или 0, в зависимости от того, давал респондент положительный ответ на поставленный вопрос или отрицательный, каждый оцененный коэффициент модели возводился в экспоненту. Такое выражение называют *отношением шансов*, его смысл можно представить в следующем виде:

$$\exp(\beta_{x_i}) = \frac{P(Y = 1 | x_i = 1, x_1, \dots, x_k) / P(Y = 0 | x_i = 1, x_1, \dots, x_k)}{P(Y = 1 | x_i = 0, x_1, \dots, x_k) / P(Y = 0 | x_i = 0, x_1, \dots, x_k)} \quad (2)$$

Так, согласно формуле (2), чтобы получить отношение шансов для переменной «высшее образование», нужно в числителе рассчитать отношение вероятностей эмигрировать и не эмигрировать для людей с высшим образованием, а в знаменателе рассчитать то же отношение вероятностей для людей без высшего образования. Поэтому отношение шансов для людей с высшим образованием и без него эмигрировать из страны (см. Приложение, табл., столбец 1) при прочих равных условиях равняется 6,2: $\exp(1,818) = 6,2$.

Модель 1, содержащая полный набор факторов, и модель 2, содержащая только отобранные значимые факторы (см. Приложение, табл., столбцы 1 и 2 соответственно), оказываются в целом близкими по значимости основных переменных и направлению их влияния. Следовательно, незначимость факторов в модели 1, скорее всего, связана с неважностью

их при определении миграционных мотивов, а не с нарушением эконометрических предпосылок. Однако поскольку модель 1 имеет лучшие показатели качества (см. Приложение), а лишние переменные в модели не приводят к смещению оценок коэффициентов, мы сконцентрируемся на ее результатах. Незначимыми в обеих моделях оказались пол респондента, принадлежность к классу, получаемые доходы. Первая модель (столбец 1) имеет высокий псевдо $R^2 = 0,59$, а также хорошую предсказательную силу при пороге 0,5: 95% наблюдений правильно классифицируются, то есть модель правильно предсказывает, имеет ли человек с заданными характеристиками намерение эмигрировать или нет. Об этом же можно судить по площади под кривой ROC, которая близка к единице и равна 0,96. При этом, несмотря на подавляющее преобладание тех, кто не выразил намерения эмигрировать, чувствительность модели (процент правильно предсказанных намерений эмигрировать) достаточно высокая — 69%, специфичность (процент правильно предсказанных намерений не эмигрировать) еще выше — 98%.

При прочих равных условиях чаще намерения эмигрировать из страны высказывали:

- 1) более молодые (0,85)²;
- 2) с высшим (6,2), незаконченным высшим и средним специальным образованием (3,2);
- 3) считающие, что могут повлиять на происходящее в стране (4,2);
- 4) инициативные (3,4);
- 5) считающие, что повлиять на общественную жизнь можно с помощью протестного движения (69,0);
- 6) считающие, что не могут повлиять на ситуацию из-за отсутствия интереса к сфере (4,2) или связей (5,2);
- 7) публично высказывающиеся на общественных слушаниях (34,7);
- 8) относящие право на информацию к наиболее важным правам и свободам (4,9);
- 9) принимающие участие в общественных организациях по защите прав потребителей (1345,0);
- 10) работающие в общественных организациях и НКО на добровольной основе (23,0) и за заработную плату (118 006,8);
- 11) кого беспокоят проблемы поселений: загрязнение окружающей среды (5,6); нехватка высококвалифицированных медиков (4,3); нехватка хороших школ (9,3); пьянство (4,2); рост бытовой преступности (6,4);

² В скобках приведены отношения шансов для соответствующих факторов. Возраст — единственная непрерывная переменная в модели; здесь отношению шансов соответствует изменение возраста на один год. Все остальные переменные — дихотомические; для них смысл отношения шансов интерпретируется в соответствии с формулой (2).

- 12) у кого есть обида за страну и чувство ущемленности (16,4);
- 13) считающие, что в будущем положение в стране и экономике страны ухудшится (6);
- 14) кто готов объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий (4).

С меньшей вероятностью захотят эмигрировать из России при прочих равных условиях респонденты:

- 1) ощущающие себя гражданами России (0,02)³;
- 2) считающие, что могут повлиять на обстановку в своем дворе (0,2);
- 3) считающие, что повлиять на общественную жизнь можно личным примером (0,3);
- 4) наиболее важные права и свободы для которых — обращение к власти в письменном виде (0,1); социальная помощь (0,2); бесплатная медицинская помощь (0,4);
- 5) принимающие участие в таких общественных организациях, как профсоюзы (0,02), домовые комитеты (0,03);
- 6) те, кого беспокоят такие проблемы города, как низкий уровень заработных плат (0,4), их несвоевременная выплата (0,08); нехватка медучреждений (0,09), хороших вузов (0,04), спортивных учреждений (0,04); наркомания (0,2); коррупция (0,2); падение нравов (0,1); градостроительные проблемы (0,1);
- 7) из поселков городского типа и сел (0,2).

Таким образом, декларирующие эмиграционные намерения в теории выглядят более подготовленными для того, чтобы пополнить ряды акторов микроуровня, деятельность которых могла бы внести вклад в улучшение ситуации в своих населенных пунктах. Безусловно, мы имеем дело с декларациями, а не реальным эмиграционным поведением людей. Реально уезжает небольшой процент от тех, кто высказал в опросах желание эмигрировать, хотя в абсолютных числах это весьма значительные величины. По данным Левада-Центра, 60% заявивших о подобном желании респондентов ничего не делали в этом плане, ограничиваясь мечтательными переживаниями [6, с. 79].

Исходя из этого, мы можем предложить рекомендации, осуществление которых на практике будет способствовать мобилизации энергии общественного участия россиян в русло улучшения качества жизни в своих населенных пунктах. Такого рода деятельность и ее результаты могут препятствовать переходу эмиграционных намерений в стадию активных действий. В первую очередь речь идет о повсе-

³ Из-за подавляющего преобладания тех, кто не выразил намерения эмигрировать, отношения шансов оказались не велики и уложились в интервал от 0,02 до 0,4, несмотря на солидные (негативные) значения некоторых коэффициентов.

местном формировании институциональных каналов гражданского участия в нашей стране в виде развитого и поддерживаемого муниципалитетами территориального общественного самоуправления; широкого спектра деятельности негосударственных некоммерческих организаций; работающих механизмов общественного контроля и независимой оценки качества государственных и муниципальных услуг, результаты которой в обязательном порядке учитывались бы на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бронзино Л.Ю.* Специфика российской миграции в Европу: бегство креативного класса? // Политические исследования. 2015. № 2. С. 52–67. DOI: 10.17976/jpps/2015.02.04
2. *Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 37–58.
3. *Возьмитель А.А., Яковлева М.Н.* Отношение к эмиграции в современной российской провинции // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 57–65.
4. *Горбачева Е.А.* Миграционное поведение студенческой молодежи: теория и практика. М.: ИСПИ РАН, 2006. — 39 с.
5. *Гудков Л.Д.* Россия может лишиться самых успешных и креативных граждан // Независимая газета. 2015. 24 марта [электронный ресурс]. Дата обращения 01.09.2016. URL: <http://www.ng.ru/ng_politics/2015-03-24/9_migration.html>.
6. *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Т. 110. № 4. С. 46–80.
7. *Гудков Л.Д., Зоркая Н.А.* Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция // Мир России. 2013. № 2. С. 3–49.
8. *Дзевенис М.А.* Социологическое исследование потенциальной миграции (на примере студентов АмГУ) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 68. С. 90–98.
9. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. — 400 с.
10. *Иванова И.И.* Индикаторы гражданского участия // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 9 [электронный ресурс]. Дата обращения 01.09.2016. URL: <<http://cyberleninka.ru/article/n/indikatory-grazhdanskogo-uchastiya>>.
11. *Иванова Е.И.* Социальный вектор миграционной подвижности россиян // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 66–73.
12. *Карпицкая Д.* У политических беженцев из России появилась своя правозащитная организация // МКРУ. 2015. 27 января [электронный ресурс]. Дата обращения 20.08.2016. URL: <<http://www.mk.ru/poli->

- tics/2015/01/27/u-politicheskikh-bezhencev-iz-rossii-poyavilas-svoya-gravozashhitnaya-organizaciya.html>.
13. *Купрейченко А.Б., Мерсиянова И.В.* Проблема оценки уровня и содержания социального доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко и И.В. Мерсиянова. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 26–57.
 14. *Мереминская Е.* Эмигранты новой волны: из России стали больше уезжать // [Газета.ru] 2014. 1 ноября [электронный ресурс]. Дата обращения 20.08.2016. URL: <<http://www.gazeta.ru/business/2014/10/30/6282685.shtml>>.
 15. *Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е.* Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. М.: НИУ ВШЭ, 2011. — 196 с.
 16. *Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е.* «Городское молчание» в Москве: предпосылки и вовлеченность населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 48–65. DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.04
 17. *Мукомель В.И.* Миграционные процессы в России 1985–2015 // Последние 30 [электронный ресурс]. Дата обращения 20.08.2016. URL: <<http://last30.ru/issue/migration/research/>>.
 18. *Орешкин Д.Б.* Бег. Почему уезжают из России // Новая газета. 2011. 31 января [электронный ресурс]. Дата обращения 01.09.2016. URL: <<http://www.novayagazeta.ru/society/7330.html>>.
 19. *Подъячев К.В.* Основные формы гражданского участия в условиях современной России // Электронная библиотека «Гражданское общество». [электронный ресурс]. Дата обращения: 01.09.2016. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Podyachev_osn.pdf>.
 20. *Семенова К.* Новая эмиграция: уезжают лучшие. Часть первая [электронный ресурс]. Дата обращения 20.08.2016. URL: <<http://www.imrussia.org/ru/аналитика/общество/2215-новая-эмиграция>>.
 21. *Сигал Е., Якорева А.* На выход с делами. Какой бизнес переезжает за границу // Коммерсант. 2014. 20 августа [электронный ресурс]. Дата обращения 20.08.2016. URL: <<http://www.kommersant.ru/doc/2603374>>.
 22. *Скалабан И.А.* Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130–139.
 23. International migration systems. A global approach / Ed. by M.M. Krutz, L.L. Lim, H. Zlotnik. Oxford: Clarendon Press, 1992. — 324 p.
 24. *Lee E.* A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
 25. *Portes A., Borocz J.* Contemporary immigration: Theoretical perspectives on its determinants and modes of incorporation // International migration review. 1989. Vol. 23. No. 3. P. 606–630. DOI: 10.2307/2546431
 26. *Raduyhin V.* The Russians are leaving... Russia // THE HINDU. 2012. 12 Feb. [online]. Accessed: 01.09.2016. URL: <<http://www.thehindu.com/opinion/lead/the-russians-are-leaving-russia/article2880044.ece>>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица

Результаты оценивания логит-модели

Переменные	Модель 1	Модель 2
1. Возраст	-0,166*** (0,029)	-0,108*** (0,014)
2. Женщины	0,261 (0,516)	
3. Высшее образование	1,818*** (0,691)	0,869* (0,453)
4. Среднее профессиональное	1,163* (0,596)	0,955** (0,378)
5. Гражданин	-4,079*** (0,921)	-3,487*** (0,594)
6. Инициативный	1,226** (0,591)	0,906** (0,390)
7. Обида за страну	2,796*** (0,875)	1,605*** (0,478)
8. Будущее экономики плачевно	1,784*** (0,629)	1,150*** (0,401)
9. Готов объединяться	1,383** (0,568)	1,040*** (0,388)
10. Село	-1,568** (0,633)	-1,560*** (0,413)
<i>В значительной мере может повлиять на происходящее</i>		
11. Во дворе	-1,450** (0,712)	-0,785* (0,439)
12. В стране	1,432* (0,807)	0,730** (0,360)
<i>Какими способами может влиять</i>		
13. Личный пример	-1,237* (0,724)	-0,789* (0,450)
14. Участие в НКО	-1,826 (1,384)	-1,953*** (0,736)
15. Протесты	4,239*** (1,505)	2,124** (0,868)

<i>Почему не можете повлиять на ситуацию в этих сферах</i>		
16. Не интересно	1,424*	0,836*
	(0,780)	(0,452)
17. Нет связей	1,656**	0,958**
	(0,696)	(0,409)
<i>Каким образом публично высказывались</i>		
18. Общественные слушания	3,547*	2,586**
	(2,113)	(1,174)
<i>Наиболее важные права и свободы</i>		
19. На информацию	1,595**	0,809*
	(0,669)	(0,421)
20. Обращение к власти с письменным требованием	-2,299**	
	(0,949)	
21. Участие в управлении обществом	-1,129	-1,964**
	(1,192)	(0,770)
22. Социальная помощь	-1,601***	-1,180***
	(0,595)	(0,361)
23. Бесплатная медпомощь	-0,952*	
	(0,568)	
<i>В каких общественных объединениях и НКО принимает участие</i>		
24. Профсоюзы	-4,147	-1,848*
	(2,959)	(1,077)
25. Общество защиты прав потребителей	7,204**	4,351**
	(3,393)	(2,078)
26. Домовые комитеты	-3,687	-2,892*
	(2,782)	(1,578)
<i>В каких формах принимаете участие в деятельности этих организаций</i>		
27. Работаю за плату	11,678***	7,034***
	(4,213)	(1,945)
28. Работаю добровольцем	3,137*	2,529***
	(1,771)	(0,728)
29. Помогаю деньгами	4,946	2,297**
	(3,034)	(1,167)
<i>Какие проблемы вашего города (села) беспокоят больше всего</i>		
30. Низкий уровень зарплат	-1,048**	-0,658**
	(0,522)	(0,330)
31. Несвоевременность выплат зарплат	-2,472**	-2,136***
	(1,241)	(0,792)

32. Рост цен ЖКХ	0,858 (0,578)	0,976*** (0,354)
33. Загрязнения окружающей среды	1,717** (0,698)	1,020** (0,415)
34. Нехватка медучреждений	-2,437** (0,959)	-1,066** (0,516)
35. Нехватка квалифицированного медперсонала	1,470** (0,601)	0,871** (0,390)
36. Нехватка хороших школ	2,232** (1,019)	1,500*** (0,566)
37. Нехватка хороших вузов	-3,307** (1,523)	-1,209* (0,733)
38. Нехватка спортивных учреждений	-3,225*** (0,963)	-1,411*** (0,547)
39. Распространение наркомании	-1,601** (0,754)	-1,123** (0,465)
40. Пьянство	1,444** (0,586)	0,890** (0,375)
41. Рост бытовой преступности	1,862 (1,275)	1,502* (0,779)
42. Падение нравов	-1,903* (1,147)	-1,264* (0,726)
43. Коррупция	-1,795 (1,097)	-1,236* (0,635)
44. Градостроительные проблемы	-1,954* (1,181)	-1,969*** (0,756)
Константа	7,710*** (2,035)	5,237*** (1,080)
Значение логарифма функции правдоподобия	-130,91	-164,10
Псевдо R ²	0,59	0,49
Чувствительность	69%	59%
Специфичность	98%	98%
Процент правильно предсказанных значений объясняемой переменной	95%	94%
Статистика отношения правдоподобия (LR) для проверки значимости модели в целом	Chi (159) =381,30	Chi (58) =314,19
Площадь под кривой ROC	0,96	0,93
Число наблюдений	895	895

Примечание. В скобках приведены стандартные ошибки коэффициентов. В таблице представлены только значимые варианты ответов на вопросы с множественным выбором либо в модели 1, либо в модели 2. В модель также включались контрольные переменные: высший и средний класс; сферы, на которые индивид не может повлиять; сферы, для которых готов объединяться, чтобы что-то поменять; права и свободы, которыми обладает индивид; мнение об отношении государства к НКО. Коэффициенты значимы: *** — на уровне 1%, ** — 5%, * — 10%. В модели 2 использована процедура пошагового исключения незначимых факторов, начиная с коэффициентов с наибольшим значением *p*-value. Порог для расчета чувствительности, специфичности и процента правильно предсказанных значений — 0,5.

Дата поступления: 17.07.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2017. Vol. 23. No. 1. P. 43–61. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5001

I.V. MERSIANOVA, E.S. VAKULENKO, N.V. IVANOVA

National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
Moscow, Russian Federation.

Irina V. Mersianova — Candidate of Sociological Sciences, Director, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); head of the chair of NGO Economics and Management, NRU HSE. **Address:** 20, Myasnitskaya Str., 111000, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (916) 884-01-05. **Email:** imersianova@hse.ru

Elena S. Vakulenko — Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, Department of Applied Economics, Faculty of Economics, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 20, Myasnitskaya Str., 111000, Moscow, Russian Federation. **Email:** evakulenko@hse.ru

Natalya V. Ivanova — Candidate of Philological Studies, Senior Research Fellow, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector NRU HSE. **Address:** 20, Myasnitskaya Str., 111000, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (495) 623-88-03. **Email:** nvivanova@hse.ru

EMIGRATION INTENTIONS OF RUSSIANS AND THEIR CIVIC PARTICIPATION

Abstract. This article investigates the impact of civic engagement on Russian citizens' propensity to emigrate. Although most of the literature on emigration intentions focuses on economic motives and social advancement objectives, there is a gap in empirical research on the relationship between civic engagement and emigration intentions of Russians. The current research draws on the data from the all-Russia population survey carried out within the framework of the civil society monitoring in 2014.

The analysis of the binary logit model revealed that younger and better educated Russians are more likely to declare emigration intentions. The likelihood increases if a person feels resentful about the situation in one's home country, if he/she believes that the prospects for the country and its economy seem increasingly poor, or if being a Russian citizen evokes a feeling of inadequacy and inferiority. The respondents who think that they can

make impact through participation in protest movements are much more likely to declare their intention to emigrate. The analysis provides evidence that citizens declaring their intention to emigrate possess fairly strong capacities for civic engagement. The latter can take many forms such as the commitment to collaborate with other people toward public purposes, participation in the work of NPOs, voicing her or his opinion at public hearings, and ranking the right to information as one of the most important civil rights. These citizens can become engaged actors in the country's social transformations if their civic potential is called upon. Hence, we can make recommendations to advance institutional channels for civic engagement, including the developed territorial public self-government widely supported by municipalities, a broad spectrum of NPO activities, efficient mechanisms of public control and independent evaluation of the quality of services provided by federal and municipal agencies.

Keywords: civic engagement; emigration intentions; civil society; NPOs.

For citation: Mersianova I.V., Vakulenko E.S., Ivanova N.V. Emigration intentions of Russians and their civic participation. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 43–61. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5001

REFERENCES

1. Bronzino L.Yu. Specifics of migration from Russia to Europe in the course of crisis: The flight of the creative class? *Politicheskie issledovaniya*. 2015. No. 2. P. 52–67. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2015.02.04
2. Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migration plans of Russian regional university graduates. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 6: Ekonomika*. 2014. No. 3. P. 37–58. (In Russ.)
3. Voz'mitel' A.A., Yakovleva M.N. Attitude toward migration in contemporary Russian provinces. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 11. P. 57–65. (In Russ.)
4. Gorbacheva E.A. *Migration behavior of students: theory and practice*. M.: ISPI RAN publ., 2006. — 39p. (In Russ.)
5. Gudkov L.D. Russia may lose its most successful and creative citizens. *Nezavisimaya gazeta*. 2015. 24 marta. Accessed 01.09.2016. URL: <http://www.ng.ru/ng_politics/2015-03-24/9_migration.html>. (In Russ.)
6. Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. Emigration from Russia as a social diagnosis and a life prospect. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*. 2011. Vol. 110. No. 4. P. 46–80. (In Russ.)
7. Gudkov L.D., Zorkaya N.A. Sterilization of social differentiation: Russian “middle class” and emigration. *Mir Rossii*. 2013. No. 2. P. 3–49. (In Russ.)
8. Dzevenis M.A. Sociological survey of potential migration (the case of Amursk State University students). *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2015. Iss. 68. P. 90–98. (In Russ.)
9. Zaslavskaya T.I. *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: sotsial'nyi mekhanizm transformatsii*. [Modern Russian society: mechanism of social transformation.] M.: Delo publ., 2004. 400 p. (In Russ.)
10. Ivanova I.I. Indicators of social participation. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2011. No. 9. Accessed 01.09.2016. URL: <<http://cyberleninka.ru/article/n/indikatory-grazhdanskogo-uchastiya>>. (In Russ.)
11. Ivanova E.I. Social vector of Russians migration mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 11. P. 66–73. (In Russ.)
12. Karpitskaya D. Russian political refugees now have their own human rights organization. *MKRU*. 2015. 27 January. Accessed 20.08.2016. URL: <<http://www.mk.ru/poli->

- tics/2015/01/27/u-politicheskikh-bezhencev-iz-rossii-poyavilas-svoya-pravozashchitnaya-organizaciya.html>. (In Russ.)
13. Kupreichenko A.B., Mersiyanova I.V. The problem of evaluation of the level and content of trust. *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva*. [Trust and mistrust in the development of civil society.] Ed. by A.B. Kupreichenko, I.V. Mersiyanova. M.: ID NIU VShE publ., 2013. P. 26–57. (In Russ.)
 14. Mereminskaya E. New wave emigrants: emigration from Russia is on the rise. [*Gazeta.ru*] 2014. 1 November. Accessed 20.08.2016. URL: <<http://www.gazeta.ru/business/2014/10/30/6282685.shtml>>. (In Russ.)
 15. Mersiyanova I.V., Korneeva I.E. *Vovlechenost' naseleniya v neformal'nye praktiki grazhdanskogo obshchestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie*. [The engagement of population in informal practices of civil society and NGO activities: Regional dimension.] M.: NIU VShE publ., 2011. 196 p.
 16. Mersiyanova I.V., Korneeva I.E. “City silence” in Moscow: prerequisites and public involvement in civil society practices. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny*. 2015. No. 6. P. 48–65. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.04
 17. Mukomel' V.I. Migration processes in Russia 1985–2015. *Poslednie 30*. Accessed 20.08.2016. URL: <<http://last30.ru/issue/migration/research/>>. (In Russ.)
 18. Oreshkin D.B. Beg. Why people are leaving Russia? *Novaya gazeta*. 2011. 31 January. Accessed 01.09.2016. URL: <<http://www.novayagazeta.ru/society/7330.html>>. (In Russ.)
 19. Pod'yachev K.V. Main forms of civic participation in modern Russia. *Elektronnaya biblioteka “Grazhdanskoe obshchestvo”*. Accessed: 01.09.2016. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Podyachev_osn.pdf>. (In Russ.)
 20. Semenova K. *New emigration: the best are leaving. Part one*. Accessed 20.08.2016. URL: <<http://www.imrussia.org/ru/analitika/obshchestvo/2215-novaya-emigratsiya>>. (In Russ.)
 21. Sigal E., Yakoreva A. On an output with affairs. What business is moving abroad?. *Kommersant*. 2014. 20 August. Accessed 20.08.2016. URL: <<http://www.kommersant.ru/doc/2603374>>. (In Russ.)
 22. Skalaban I.A. Social, public and civic participation: the issue of conceptualization of notions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2011. No. 1. P. 130–139. (In Russ.)
 23. *International migration systems. A global approach*. Ed. by M.M. Krutz, L.L. Lim, H. Zlotnik. Oxford: Clarendon Press, 1992. 324 p.
 24. Lee E. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
 25. Portes A., Borocz J. Contemporary immigration: Theoretical perspectives on its determinants and modes of incorporation. *International migration review*. 1989. Vol. 23. No. 3. P. 606–630. DOI: 10.2307/2546431
 26. Radyuhin V. The Russians are leaving... Russia. *THE HINDU*. 2012. 12 Feb. Accessed: 01.09.2016. URL: <<http://www.thehindu.com/opinion/lead/the-russians-are-leaving-russia/article2880044.ece>>.